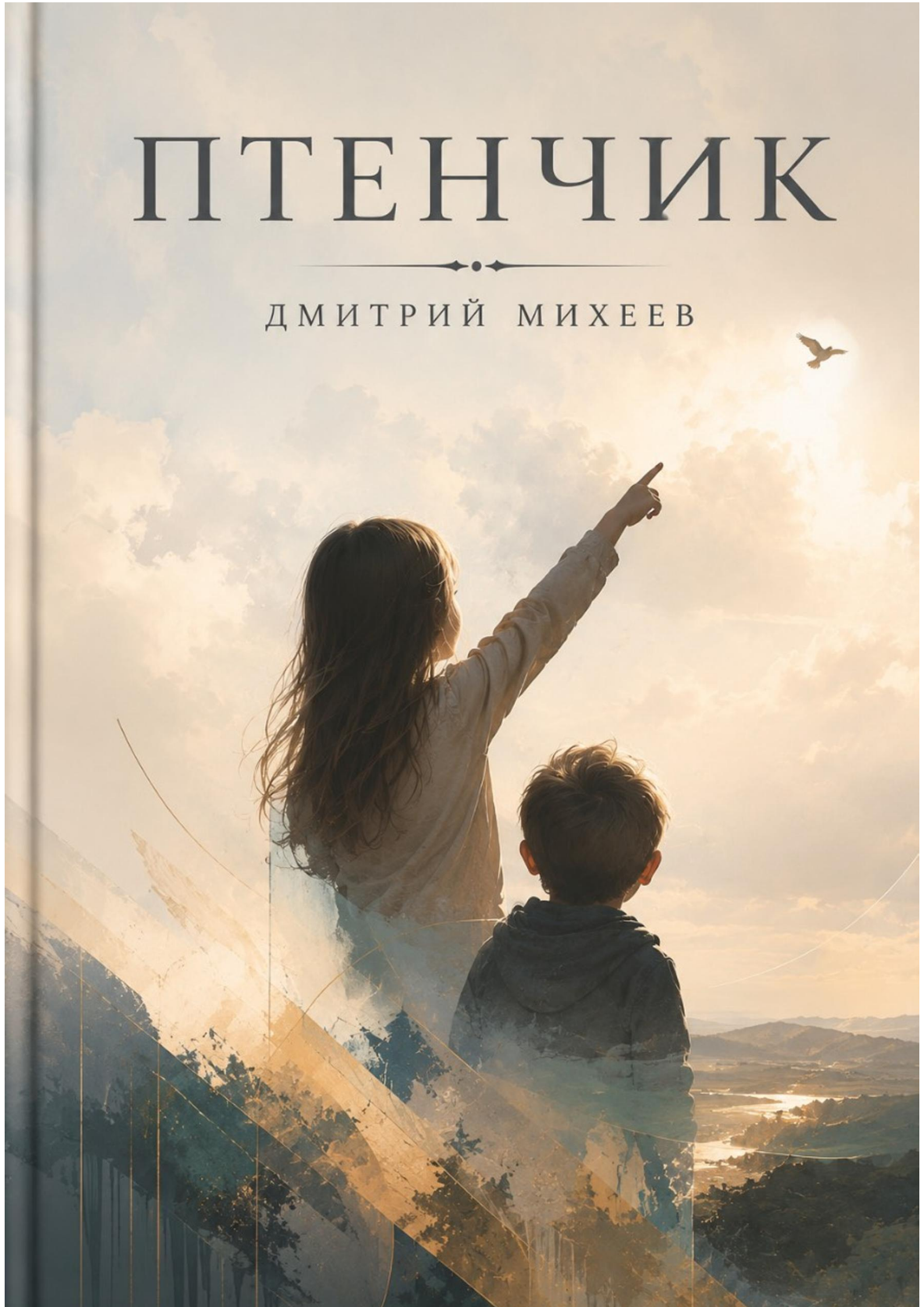

ПТЕНЧИК

ДМИТРИЙ МИХЕЕВ

Дмитрий Михеев

Птенчик

«Автор»

2026

Михеев Д.

Птенчик / Д. Михеев — «Автор», 2026

Это короткая история о семье Лэнгфордов, или если быть точным, беглый взгляд на то, что осталось от них после смерти отца. Главный герой — Гарольд Лэнгфорд, писатель без видимого будущего и его эксцентричная сестра Билли, пытаются существовать в мире, который стал для них чужим. Словно неперившиеся птенцы, они ищут себя и пытаются исцелиться, стать собой. И знакомство с Джерри, заставляет пробудить в них то странное, давно забытое чувство, что они называют любовью.

© Михеев Д., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Михеев Птенчик

В прошлом году, спустя неделю или раньше, с того счастливого дня, когда Джерри повстречал Билли (или наоборот), и гораздо более позднее, чем когда она, наконец, окончательно остепенилась, я и узнал в одном из наших постоянных пятничных телефонных разговоров, — из них я узнавал больше, чем с любой газеты, — о нем, или лучше сказать, о мировом мальчишке, который отчаянно нуждался в Билли. Она сказала: «он и_з_н_е_м_о_г_а_е_т, Олди.» А если кто-то, по суждению моей сестры, изнемогал, то заслуживал немедленной выручки. И Билли была готова ее оказать несмотря ни на что. Повторяю, несмотря ни на что!

— Я наконец-то написала в то дурацкое место, чтобы они позволили мне повидаться с Джерри, — сообщила Билли, когда я снял трубку и едва приложил к уху.

— Каким Джерри? — спросил я, все еще пребывая несколько в туманном, до непорядочного оупения, сопредельном состоянии, в каком пребывают люди, которых стряхнули с кровати внезапным известием.

— Каким Джерри? Господи, Олди! Ты вообще меня слышишь? Я говорю, помнишь ли ты картину...

— Картину?

— Да, да, картину... я прислала тебе копию... что?

— Ничего.

— Ничего? Хочешь сказать ты не получал никаких картин?

— Когда?

— С месяц назад.

— Что-то не припомню.

— Что ж... странно, ведь я отправляла, помню, что отправляла, богом клянусь! Ты, наверное, думаешь я вру?

Я ответил, что именно так не думаю и вообще, на этот счет есть совершенно другое, совсем не похожее слово, а скорее наоборот.

— Да ну тебя! Но знаешь что? У меня еще осталось несколько копий, я размножила их на ротاپринтере, вышло, как только смогу... но послушай, честное слово, я ничего такого и не видела прежде. Можно подумать у тебя есть... а впрочем, я не желаю спорить. Я не желаю спорить и все... мне по правде говоря, Олди, хочется выговориться. Я, если хочешь знать, братец, написала целых два письма. Да, целых два длиннющих, скучных письма, но ни одно не отправила. Вместо них я послала картину Джерри... да, Джерри... он скажет тебе больше, чем я могу объяснить в письме. Не Джерри, конечно же, а его картина, сам Джерри сейчас в учреждении для малолетних... постой, я разве тебе не говорила?

— Нет.

— Ох! Мне столько хочется тебе рассказать, Олди, честное слово. Я целую неделю только об этом и думала... он совершенно милый...

— Кто?

— Как это кто? Джерри. Да и картина просто прелесть. Я бы и сама готова кого-нибудь стукнуть, чтобы нарисовать чего-нибудь этакого... да я шучу... что ты? Конечно нет. Джерри никого и пальцем не трогал. Он просто хороший мальчик и все такое... я имею в виду, он славный... и картина получилась великолепной...

— Прелестно, — я отщелкнул крышку портсигара и отсчитал неотсреленные сигареты.

— Ты спрашиваешь, где я его нашла?

— Нет.

— Послушай, дорогой, ты снова поднес трубку не к тому уху?

— Что значит не к тому?— спросил я и на верный случай переменял стороны.

— Не прикидывайся... Боже, да разве я обязана всю жизнь себя винить? Хочешь, чтобы я чертыхалась? Думаешь, мне нравится повторять по сто раз? Так вот ты так не думай! Мне, честно говоря, хочется знать, что ты в жизни не станешь болтать и уж тем более никогда не напишешь про то обстоятельство... Антон? — Билли по всей видимости, придавила ладонью телефонную трубку и я слышал лишь отдаленные гулы, перекатывающиеся с низких на высокие тона. Пользуясь коротким замешательством, я вытянул сигарету и зажал губами.

В трубке затрещало, будто Билли решила затеять телефону большую стирку. И снова вернулся прежний, слегка меланхоличный голос Билли. Она все еще спорила о чем-то с Антоном. О *bêtise nutritive*, (бэти́з ню́трив) если быть точным, но едва закончив фразу: ...*on ne sert pas le bacon avec de la confiture*, Anton. *Ce n'est pas du canard à l'orange*, (он нэ сэр па лё бэйкон авэ́к дё ла конфитю́р, Анто́н. Сё нэ па дю канар а лоранж.) — тут же переключилась на меня. Это стало слышно не только по тому, что она никогда не говорила со мной на французском, да и признаться, я не имел тяги к учению иных языков, но также по ее голосу. Когда она обращается к тем, кто ей не столь уж важен, то говорит без некоторого энтузиазма, одной сплошной лентой, со мной же... или как это было с Астрид и папой, она излагается быстрыми сбивчивыми перебежками. Папа часто шутил, что речь Билли очень похожа на манеру солдат менять позиции на поле боя и вообще, из нее бы вышел отменный штаб-сержант или сержант первого класса, но никак не меньше. Только вот у Билли выходит так, что иной раз она перебивает сама себя. Словно, большую часть времени нашего разговора она обращается к себе, а я так, легкая посредственность и нужен лишь для низкопробной роли адвоката в ее препирательствах. Я и сам частенько заражаюсь подобным э_г_о_и_с_т_и_ч_н_ы_м стилем. Думаю, мы впитали его с молоком матери.

— Не заставляй меня говорить об этом. Черт! — нет, вы только ее послушайте! — Ну вот я снова говорю...

— Забудь, — говорю я ей.

Я зевнул, не отстраняя телефонную трубку и сигарета выпала изо рта. Я не стал тянуться, а только попытался поддеть мыском, но она и с места не сдвинулась. Тогда я несколько раз хорошенько наступил на нее и прямо-таки втер в пол; рисовая бумага без всякого изящества распахнулась надвое и часть табачной крошки высыпалась наружу. Удивительно, как Билли удалось разгадать мою возню, потому как она тут же сказала:

— Прекрати кривляться, я совершенно серьезно... ну вот, что это еще такое, ты снова пытаешься что-то там печатать? Должна сказать тебе, мой дорогой братец, — следующую фразу Билли произнесла с фальшивым бостонским акцентом,. — кажды-такой звоног обходицца мне зафтракам с Антоном, а он ужасный резанерр. Кстати, вчира в мастерской он тольки-и-делал, што весь день гаварил пра-тибя... Господи, какой ужас, я так больше не могу. И плевать, что он услышит. Пусть.

— Погоди. Он говорил обо мне?

— О тебе, дурень, — Билли цокнула. — О ком ж еще?

— С какой стати Антону говорить обо мне, скажи на милость?

— С какой стати, говоришь? Ты знал, твою... я имею в виду тот, как ты его окрестил, «жутко возвышенный роман», обожают все французы. Я говорю его все обожают, потому что живу с одним под боком. Так вот он сказал, что Эвелин... , ее ведь звали Эвелин, да? Потому как я в точной степени не запомнила, но надо полагать Антон говорил о первостепенной фигуре, так вот она в самом конце что-то натворила, отчего ему вдруг стали совершенно понятны все американские женщины. Он сказал, что кажется обрел окончательное понимание женской американской души.

— Ну и что?

— Как это что? Так ты знал?

— Как тебе сказать, — замялся я. — Может и знал.

— Так знал или нет?

В свое время я был одурачен проходимцами посредственного издательства из Фонтенбло и надеялся до сего дня, что следствия моей временной слабости к тщеславию не породят грязных плодов, но видимо сильно ошибался и теперь хотел бы забыть о том предприятии. Навсегда.

— Ну знал. И что с того?

— Господи, да что с тобой такое? Уже и спросить нельзя? Я только хотела сказать, что тоже заинтересовалась «Пожирающей любовью». Я хочу сказать ты не мог бы...

— Как ты сказала? — спросил я Билли. — Повтори.

— Я сказала, ты знал...

— Нет. Я не про... какая любовь?

— Пожирающая.

— О Боже!

Я почувствовал себя героем книг Джеймса Кейна. Мне тоже «сделалось дурно» и я был готов «вынуть все из желудка», словом все эти телесные сантименты, черт бы их побрал. — Ты слышишь меня, Билли? Повтори, какая любовь?

— Пож...

— Всепоглощающая! — я прямо-таки завопил в голос. — В_с_е_п_о_г_л_о_щ_а_ю_щ_а_я! Слышишь меня?

— Да Боже ты мой, какая разница? Это же французский, в нем...

— Какая разница? — спросил я. — Ты спрашиваешь, какая разница? Послушай, Билли... вот что... ты... ты можешь больше не таскаться к Антону, а? Можешь?

— Куда же мне по твоему ходить?

— Ты могла бы снова гостить у Мэри. Так и есть. Та девушка с упитанными лодыжками и хорошеньким верхом... ее ведь зовут Мэри?

— Исключено. Она совсем недавно вышла замуж и Том, я хотела сказать ее муж... Том, он как-то раз, совсем непринужденно назвал меня штучкой, — ответила Билли. — Если совсем уж точно, он сказал, что давно не видел таких славных штучек. Впрочем я никого не виню, Мэри натура собственническая и вообще, надо сказать, не каждой девушке подворачивается такая удача... то есть, я имею в виду, не каждая может стать женой джазового сессионщика.

— Да что ты, Мэри? Том? Никогда бы не подумал! — сказал я. — Я счастлив до опупения, Билли. Черт возьми, как я счастлив, ты бы знала! Я едва ли не валюсь со стула.

— Да ну тебя, — только Билли что-то жевала, и у нее вышло больше похоже на «Анутия».

Я провел ладонью по печатным клавишам. Я собственно, раз двадцать набрал «анутия» по большей степени без пробела и не меньше дюжины раз «п_о_ж_и_р_а_ю_щ_а_я», прорезываемая между буквами такие громадные пропуски, что в них можно было бы вписать по рассказу. До того меня зацепило это чертово слово, аж руки тряслись.

— Ну вот... — к тому времени как Билли произнесла «ну вот» она уже справилась с *bêtise nutritive* (бэтиз нютритив) (уж не знаю, что ей подсунил этот француз), а к «снова этот звук», — вернулась внятная речь. Целиком, это звучало так:

— Ну вот... снова этот звук. Да ты братец, никак меня испытываешь?

На сей раз, слишком уж откровенно, я зевнул и сказал, что напротив, весь во внимании, и дело лишь в том, что пытаюсь существовать и функционировать по заданному, черт знает кем, времени. А также напомнил Билли, что в Уинд-Гэп, в отличие от Нью-Йорка, еще самое раннее утро, и что мне до одури хочется спать.

— Понятно, — Билли вздохнула. Мне даже померещилось, будто ее дыхание щекочет ухо. — Скажи, Олди, только честно? Я гадкая?

— Н-нет. С чего это ты взяла? — в вопросах критики я стараюсь быть предельно осторожен.

— Что?

— Я говорю, кто тебе сказал? Антон?

— Никто. Тогда, может... может я петая дура?

— Господи, Билли! Какие глупости!

— И ничего не глупости. Но все-таки...

— Что ты от меня хочешь, скажи пожалуйста!

— Я бы сказала, но ведь ты будешь хохотать... да, еще как будешь, точно тебе говорю.

Я ответил, что не стану смеяться, (когда это я хохотал?) даже, если придется пройтись задом наперед со спущенными штанами вдоль всего Нью-Йорка. Это малость подуспокоила мою сестру. Она хорошо знала, что если я что-то и говорю, то говорю не так чтобы для красного словца... Нет, я конечно вовсе не собирался снимать перед вами штанов, (на случай, если вы вдруг живете в Нью-Йорке или заскакиваете туда по делам) это ведь так, для сравнения. Но Билли подобное заявление вполне устроило. Она сочла его у_б_е_д_и_т_е_л_ь_н_ы_м.

— Ну хорошо. Ты... ты можешь сказать, что прощаешь меня?

— Что?

— Я говорю, ты можешь меня простить?

— Ты чего это вздумала?

— Так надо, Олди. Не спрашивай зачем и почему, но обещаю не делать ничего такого... я хочу сказать ничего, из того, что бы ни делал ты.

— Этого-то я больше всего и опасаясь. Чего это тебе вдруг сдалось мое прощение?

— Понимаешь... Я просто хочу совершить как можно больше благих деяний...

— Каких... каких деяний? — я чуть не поперхнулся и попытался прочистить горло. Но назойливая табачная мелюзга, скребущая гортань не желала меня отпускать. Мне бы стоило хорошенько подучиться крутить самокрутки, черт возьми. Вечно у меня полный рот табачной крошки.

— Б_л_а_г_и_х! Боже мой, ты меня вконец доконаешь... я тут пытаюсь тебе объяснить... Понимаешь?

— Да-да, — я набрал больше воздуха и выкашлял, как мне показалось вместе с правым легким, — до того у меня там зануло, я чуть не помер от боли, — все, что засело внутри. Я постучал по груди кулаком.

— Что? — спросила Билли.

— Ничего. Продолжай, — говорю я ей.

— Ну хорошо. Я ведь только хочу чтобы ты стоял у истоков моих начинаний. Словом, я решила попросить прощение за то, что швырнула в тебя камнем... то есть, конечно, это был лед, но я так была на тебя зла... я и не думала, что могу попасть... Господи, сколько было крови, это просто ужас!

Я наконец-то управился с кашлем и стал щупать отметину на верхней скуле, со стороны наружного угла глаза, похожую на улыбку или полумесяц, — каждый из тех, с кем я имел близкое общение, вносил свою лепту, пополняя быстрорастущий описательный список того, на что еще мог походить рубец.

Я сказал Билли, что ничего страшного не произошло, даже напротив, если бы не она, у меня не было бы этого замечательного шрафика. Что я вырос вместе с ним и люблю его. И вообще, он был мне младшим братом. Я сказал, что в детстве подолгу разглядывал его в зеркале и следил, чтобы он не исчез.

— Только вот...

— Только вот что? — спросила Билли и в трубке сделалось совсем уж тихо. Она даже дышать перестала.

— Только вот при чем здесь мое ухо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.